

Томас
де ВААЛ

Черный сад

АРМЕНИЯ И АЗЕРБАЙДЖАН
МЕЖДУ МИРОМ И ВОЙНОЙ

Black garden

Thomas
de WAAL

ARMENIA AND AZERBAIJAN
THROUGH PEACE AND WAR

NEW YORK UNIVERSITY PRESS

ՅՐԾՈՒ
ՕՒՒ ՅԱԼԻ

Томас
де ВААЛ

Черный сад

АРМЕНИЯ И АЗЕРБАЙДЖАН
МЕЖДУ МИРОМ И ВОЙНОЙ

Перевод с английского О.Алякринского

1-696 568

М.Ф.Ахундов / Астана
Азərbaycan / ММБ
Китابخонасы

МОСКВА «ТЕКСТ» 2005

ной и рядом золотых зубов, он представился мне как специалист по экономике сельского хозяйства. По словам Алиева, работы в лагере не было никакой, а здешняя почва оказалась слишком перенасыщенной солями, чтобы выращивать на ней овощи. «Ну сколько мы можем так жить! Это все равно что жить на вокзале!» — говорил он, потя под жарким майским солнцем. Я спросил у него про армян. «Немцы себя так не вели, как они!» А не хочет ли он что-то им передать? «Пускай уйдет с нашей земли!» Алиев попросил меня найти по ту сторону от линии прекращения огня его двухэтажный дом в Агдаме — в 500 метрах к западу от мечети, рядом с рестораном.

Спустя несколько часов мы, перейдя через нейтральную полосу и линию прекращения огня, попали на армянскую сторону и вскоре оказались в Агдаме — вернее, среди оставшихся от города руин. Если мирное соглашение будет подписано и Аллахверди Алиев вернется сюда, он не найдет ни ресторана, ни своего дома. Оба здания утонули в море развалин. Единственная уцелевшая в городе постройка — выложенная бело-сливовой плиткой мечеть, минареты которой одиноко высятся над развалинами.

За два месяца до описываемых событий я приехал в Агдам с армянской стороны и поднялся на один из минаретов. Стоял ясный весенний день. С вершины минарета отчетливо просматривались величественные снежные пики Кавказских гор в ста километрах к северу. Но мой взгляд приковал совсем другой пейзаж — эдакая мини-Хиросима у подножия минарета. Когда-то население Агдама составляло пятьдесят тысяч человек. Ныне город полностью опустел. После того как в 1993 году армяне захватили Агдам, они постепенно, улицу за улицей, дом за домом, разнесли город по кирпичику. Полуразрушенные дома заросли чертополохом и куманикой. Оглядывая с вершины минарета картину общего запустения, я в который уже раз думал о причинах, породивших этот рукотворный апокалипсис.

Выведа за пределы разрушенного Агдама, дорога устремляется из безжизненной равнины в Карабах — плодородный «Черный сад» в горах, чьи склоны поросли буками. В голову вдруг приходит географическое «измерение» конфликта: помимо всего прочего — это еще и вражда между

горцами, карабахскими армянами, и жителями низин, азербайджанцами с равнины.

На дорогах Карабаха после Азербайджана казалось особенно тихо. Вечером мы приехали в местную столицу Степанакерт — маленький вполне современный город, симпатичный, но ничем не примечательный, весь в многочисленных фруктовых садах и огородах. Во время войны он сильно пострадал от артиллерийских обстрелов и бомбежки, но теперь его почти полностью отстроили заново. Вот куда делись дома Агдама: его кирпичи и оконные рамы пошли на восстановление этого армянского города.

Степанакерт и Агдам разделяют всего 25 километров — вполне в пределах достижимости артиллерии. Карабахские армяне утверждают, что во время войны все свелось к принципу «убьешь ты, или убьют тебя» и что захват Агдама был предпринят лишь в целях самообороны. В магазине на главной улице мясник Гамлет Джангарян (у него во рту тоже ряд золотых зубов) повернул лысеющую голову и, продемонстрировав небольшой шрам, сообщил, что это след от осколка снаряда, который прилетел со стороны Агдама и врезался в многоквартирный дом, где он жил.

В Гамлете угадывалась та же смесь агрессивности, подозрительности, усталости и желания поскорее обрести покой, которую я встречал у жителей Азербайджана. «Это все когда-то было нашим, — говорил он, чертя пальцем на магазинном прилавке. — А потом они пришли и стали захватывать все по частям, пока не взяли все». Он признался, что не верит ни в какие мирные переговоры: «Ничего они не дадут».

На последнем этапе нашей карабахской одиссеи мы перенесли еще дальше на запад — из чарующего карабахского рая в Армению. С высоты птичьего полета сразу становилось ясно, почему так высоко ценится этот зеленый оазис в горах, лежащий между двумя засушливыми равнинами. Мы пролетели над унылым каменистым ландшафтом Армении и прибыли в Спитак, город, все еще не оправившийся после разрушительного землетрясения 1988 года. Заводы и фабрики Спитака не работали, а железнодорожный разъезд не подавал признаков жизни.

тал был сожжен и около пятисот армян убито. В советскую эпоху численность населения в городе, где ранее проживало сорок тысяч человек, сократилась вдвое. А затем, в мае 1992 года, уже сами армяне разрушили Шушу до основания.

И армяне, и азербайджанцы сделали все возможное, чтобы уничтожить культурное наследие противной стороны. В 1992 году азербайджанцы устроили в церкви Казанчецо склад ракет для установок «град». Они выбросили из храма все каменные скульптуры и продали большой бронзовый колокол. В декабре 1992 года некий армянский чиновник сообщил, что обнаружил этот колокол на рынке в украинском городе Донецке. Он выкупил святыню за три миллиона рублей и отправил ее назад в Армению⁹.

Захватив город, армяне в отместку демонтировали и продали бронзовые бюсты трех азербайджанских музыкантов и поэтов, уроженцев Шуши, причем и эти реликвии были чудом спасены, на сей раз благодаря скупщику металлолома в Тбилиси. Я видел эти три бронзовых бюста — в плачевном состоянии, со следами от пуль, они валялись во дворе штаб-квартиры Красного Креста в Баку: поэтесса Натеван с покрытой платком головой, держащая книгу в руке с отбитым большим пальцем; композитор Гаджибеков, испещренный пулями, в двубортном пиджаке и сломанных очках, и знаменитый певец Бюль-Бюль, похожий на мыслителя, с выпуклым бронзовым лбом.

Но если бы не усилия горстки храбрых армян, потери могли быть значительно больше. Армянский художник Мгер Габриелян рассказывал мне, как он вернулся в свой родной город после его взятия утром 9 мая 1992 года и с ужасом увидел, что вандалы и мародеры сравнивают его с землей. Мгер и несколько его друзей встали перед одной из двух городских мечетей девятнадцатого века, чтобы остановить ватагу юнцов, собравшихся стрелять по фасаду здания из пушки бронетранспортера. Храбрцы забаррикадировались в городском музее и в течение нескольких дней держали там осаду, чтобы предотвратить разграбление коллекции ковров, утвари и картин. У Мгера, как представителя армянского меньшинства большого азербайджанского города, было много друзей-азербайджанцев. Он убеждал

меня, что уничтожение Шуши для него стало такой же личной утратой, как и для них. «Я знаю, для них это большая горе, но и для нас тоже. Лично я не ощущаю себя в этом городе победителем. Потому что город как таковой мертв»¹⁰.

Мне не верится, что Шуша когда-нибудь вернется к былому величию. В 2000 году она была фактически городом-призраком. Большинство ее двухтысячного населения составляли беженцы, которые приехали сюда только потому, что им негде было больше жить. Я видел нищету в их глазах. Возле верхней мечети, хотя и уцелевшей, но запустелой, я впервые за все время пребывания в Нагорном Карабахе встретил попрошайку: ко мне пристали двое ребятишек, прося милостыню. Единственным знаменитым армянином, выполнившим свои обещания в отношении Шуши, стал местный архиепископ Паркев. Он поселился здесь в 1992 году, спустя всего несколько дней после взятия города, и сразу начал сбор средств на восстановление городских храмов. Но похоже, немногие разделяют его энтузиазм по поводу восстановления Шуши.

«Многие вернулись бы сюда, если бы мы нашли для них работу, — говорил мне Паркев. — Мы уже открыли торговлю чаем и ювелирное дело. Есть предложение по созданию производства варенья, которое даст нам тридцать — сорок рабочих мест. Но нам нужны деньги на восстановление зданий». Этот разговор состоялся через три дня после Дня Победы. Мы сидели в его рабочем кабинете в Шуше. У архиепископа пронзительные умные глаза, темпераментная речь и такая окладистая черная борода, что в ней, верно, птички могли бы вить гнезда. О нем ходит молва как о человеке, пользующемся в Карабахе непререкаемым авторитетом. Он часто вступал в дискуссии с политиками как выразитель чаяний простых людей. Похоже, он не только духовный лидер области, но и инициатор развития малого бизнеса в Шуше¹¹.

Архиепископ рассказал, что впервые приехал в Карабах весной 1989 года, когда администрация Аркадия Вольского дала разрешение на возобновление церковной деятельности. В начале двадцатого века на территории Карабаха было 118 церквей и 12 монастырей, но после 1930 года их